

Во всех отделениях связи началась подписка на 2-е полугодие 2014 года!
Подписной индекс в каталоге «Почта России» — 54713.

СТИХИ В НОМЕР

Светлана
Супрунова

БРОНЗОВЫЙ СОЛДАТ

Донбасс в крови. Опять летит снаряд,
И доползти до дома были б силы.
Стоит за шахтой бронзовый солдат,
И зеленеют братские могилы.
Он видит всё: огонь и чёрный дым,
Как чьи-то тени к погребу метнулись.
Уже под флагом жёлто-голубым
Они идут, они опять вернулись!
Чеканят шаг, они сегодня злей,
Заматерев за более полвека,
Прицелятся — не слышат матерей,

Курок нажмут — не видят человека.
Как на посту, прервав когда-то бег,
Стоит солдат под холодом столетий,
И за его спиной — ушедший век,
За плащ-палаткой — снова сорок третий.
И он сжимает крепко автомат.
Такое время жуткое настало,
Что кажется: не выдержит солдат,
— Из бронзы выйдя, спрыгнет с пьедестала.

Юнна Мориц

Гуманитарный коридор

Гуманитарный коридор
Гуманитарного вранья,
Где минометного огня
Гуманитарный приговор!..
Гуманитарный страшный суд,
Каратель бьет по ребятам,
Младенцев женщины несут
На животе и на спине.
Вожди гуманитарных свор
Молчат на Западе, смеясь,
Их одобряет кровь и грязь —
Гуманитарный коридор!
У них в мозгах гудит мотор
Грядущих денег, деньготруб.
Их одобряет детский труп —
Гуманитарный коридор.
В Россию — беженцев река
И русской речи детский крик!..
А Запад платит за войска,
Что бьют по детям в данный миг.

ПИСАТЕЛЬ И ОБЩЕСТВО

О САМОМ СУЩЕСТВЕННОМ

Александр БОБРОВ, секретарь Союза писателей России

«Писать дневник, или, по крайней мере, делать от времени до времени заметки о самом существенном, надо всем нам»

Александр БЛОК

КРЫША ДЛЯ АНТИГОСУДАРСТВЕННИКОВ?

Мы живём в такое время, когда демагогия, публичные намерения с чёрной подоплёкой выдаются за благие дела.

Близкий мне и всем писателям России пример: многострадальная судьба здания Союза писателей России по Комсомольскому проспекту, 13. На этих страницах не раз писали и о попытках рейдерского захвата Роскомимуществом (ну, в центре, такой особняк с колоннами «пропадает»), и о разорительном требовании найти миллиарды на реставрацию, и о других обходных путях. Теперь, в Год культуры, придуман новый ход.

Его на страницах «Литературной газеты» дважды озвучил некто Владимир Хомяков* (не славянофил, по-моему): «Напомню: речь в моей статье шла о вполне разумном, как мне кажется, проекте Министерства культуры, на общественном обсуждении которого под председательством Владимира Мединского я присутствовал. Суть в следующем: есть в Москве на Комсомольском проспекте, 13, исторический особняк, переданный некогда в пользование Союзу писателей России, который, помимо вечно пустующих начальственных кабинетов, разместил там свой немногочисленный аппарат в 5–6 человек. Разумеется, при этом ни одно из условий предоставления — здание отремонтировать и в субаренду бесплатно используемых помещений не сдавать — выполнено не было. В итоге здание ветшало, и вот Мединский нашёл внебюджетные средства его отремонтировать. Но не для того, чтобы затем снова «подарить» его Союзу писателей, а чтобы сделать там «Дом литературы», разместив, помимо аппарата союза, также массу других писательских сообществ и издательств».

Вот как благородно — «массу других» — без вникания в суть Дома («5-6 человек», а ведь это — центр для тысяч писателей!): придумать некий Дом литературы. И это после утраты Центрального дома литераторов, многих помещений Литфонда и Домов творчества! Якобы благородно: собрать, обласкать всех тех, кому от времён ЦК КПСС до режима Ельцина раздалась здания, площади, преференции. Например, сама же «Литературная газета» когда-то вопрошала: что стало с помещениями, переданными Союзу российских писателей (альтернативная бездействующая организация в пику Союзу писателей России)? Ответа нет! А интернет хранит предание: «Постановление Правительства Москвы № 699-ПП от 27 июля 1999 года «О предоставлении Союзу российских писателей земельного

участка по адресу: улица Сретенка, вл. 9/21/24 (Центральный административный округ):

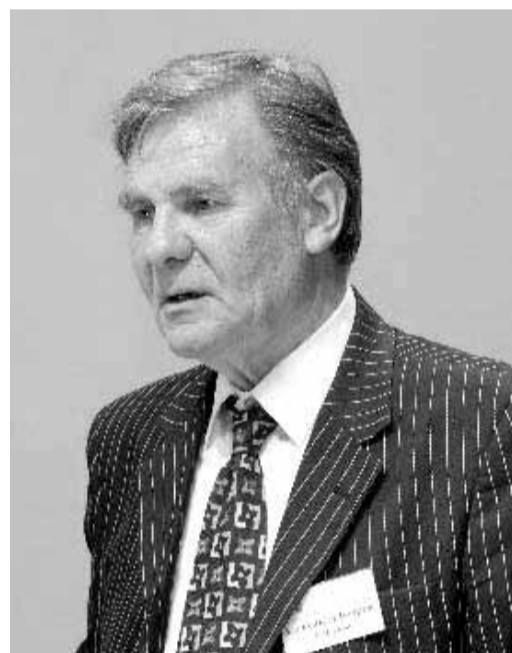
2. Предоставить Союзу российских писателей взамен земельного участка по Колокольникову пер., вл. 18-20 площадью 0,2 га земельный участок по ул. Сретенке, вл. 9/21/24 площадью 0,19 га на бесконкурсной основе в аренду на 49 лет под строительство в 1999-2000 гг. жилого дома с нежилыми помещениями общей площадью ориентировочно 4,5 тыс. кв. м за счет собственных и привлеченных средств».

Хомяков, не знаете, что там построено — в центре столицы! Какие квартиры и служебные помещения созданы? Я даже разбираться не собираюсь, но понимаю: дело нечисто и наваристо — это была политическая акция с огромными материальными подарками. Кто ими пользуется?

По проекту министра Мединского в отреставрированном здании на Комсомольском 13 должен появиться Российский ПЕН-центр, но ведь он имеет своё предоставленное демократической властью помещение и координаты: Россия, 107031, Москва, ул. Неглинная, д. 18/1, стр. 2. Конечно, хотелось бы расширяться: иметь кабинеты разудалых функционеров, наш вместительный конференц-зал, чтобы проводить там подрывные мероприятия, вольнолюбивые сборища, широкие собрания таких членов, как недавно принятый Борис Херсонский. В той же «ЛГ» Игорь Панин пишет: «Мы прекрасно помним, как российский ПЕН-центр выступал в поддержку майдана. А теперь, когда последствия майдана принесли смерть сотням, если уже не тысячам людей в Новороссии, чем занят ПЕН-центр? Правильно, он публикует воззвания с осуждением российской агрессии против Украины! Я уже не говорю о таком вопиющем случае, как приём в ряды ПЕНа Бориса Херсонского. Выживший из ума одесский психиатр-стихотворец, публикующий в Сети свои ролики, на которых он распевает патриотические украинские песни, радующийся сожжению «колорадов» в Доме профсоюзов, проклиная российских «террористов» и «окупантов», — это, конечно, прекрасная кандидатура для приёма, очень своевременная».

И вот эта организация херсонских и вкуче с ним претендует на то историческое здание, которое было официально передано Советом министров РСФСР молодой российской творческой организации, оваянной славой Леонида Соболева, Сергея Михалкова, Юрия Бондарева, а потом, при Валерии Ганичеве — сопредседателе Всемирного Русского Народного Собора — защищено премьером Путиным и Святейшим Патриархом Алексием от рейдерских захватов. Теперь поползновения приобретают «организационно-творческую» форму: давайте отреставрируем и всех соберём под одной крышей. Но писатели России — решительно против этого соития!

Под сводами бывшего офицерского собрания намереваются создать антироссийский центр. По-другому я и помыслить не могу. Вот

последние ПЕН-заявления: «Господин президент, русский ПЕН-центр крайне обеспокоен судьбой украинского кинорежиссера Олега Сенцова, который уже больше двух месяцев содержится в московском СИЗО «Лефортово». Его арестовали 11 мая в Симферополе. Следственное управление ФСБ России обвиняет Сенцова в организации террористического сообщества, в подготовке терактов в Крыму... Сам Олег Сенцов вину не признает, и что нас беспокоит больше всего, он рассказал своему адвокату, что при задержании в Симферополе сотрудники ФСБ применили к нему незаконные методы воздействия: били, душили, угрожали изнасилованием. Известно, что Олег Сенцов был активистом Автомайдана, был против присоединения Крыма к России, но ничто в его предыдущей деятельности не указывает на то, что он способен стать экстремистом или тем более террористом». Доказательно? — ещё как!

А вот выступление на сайте Александра Гельмана — автора производственных пьес о премиях и прочей мути — «В преддверии августа»: «У меня тяжелое ощущение происходящего. Оно началось, когда я два дня назад двигался медленно в очереди, чтобы попрощаться с Валерией Ильиничной Новодворской. Замечательные люди стояли в этой очереди, пожилые, молодые, на их лицах было написано самое главное, что должно быть в человеке — глубокое уважение к человеческой жизни, к человеческой смерти. Я подумал о том, что вот этих людей сегодняшняя российская власть, ее предводитель, считает предателями, пятой колонной, с мыслями и чувствами этих людей власть не только не считается, — отворачивается от них, боится, нагло, демагогично осуждает, клеймит, заставляет жить в тревоге, в неуверенности в своем завтрашнем дне».

(Окончание. Начало на стр. 1)

Неужели «предводитель Путин» и его непонятный министр Мединский пекутся о расширении физической и информационной площади для такого вот сообщества? Трудно поверить!

Руководит русским ПЕН - центром, если не ошибаюсь, Андрей Битов. Он был когда-то резким, нестандартно мыслящим писателем. Но что я читаю ныне? – старческий лепет. Вот его «Размышления под «Полтавой» (почему не «над»? – А. Б.) на фоне Украины 2014? Что тут неизменно до сего дня? Прозрения ли Пушкина или Россия с Украиной?

И письма шлет из края в край: Урозой хитрой подымает Он на Москву Бахчисарай.

О САМОМ СУЩЕСТВЕННОМ

Александр БОБРОВ, секретарь Союза писателей России

Король ему в Варшаве внемлет,
В стенах Очакова паша,
Во стане Карл и царь.
Не дремлет
Его коварная душа...

И вдруг расхотелось перечитывать. Даже до прекрасного описания битвы не дотянул. Так же неохота, как и включать новости по телевизору! Ну, похоже, всем членам расхотелось и смотреть, и осмысливать, и выстраивать своё отношение к трагическим событиям. Так отдыхайте! Зачем вам площади

в намоленном патриотическом месте, отбитом с баррикадами от молодчиков Ельцина-Музыкантского-Евтушенко в 1991 году?

О, какие речи по воле Мединского мы там услышим! Вот, например, выступление председателя украинского ПЕН - центра на встрече представителей Международного ПЕН - клуба, национальных ПЕН - центров Северной Европы, России и Украины в Стокгольме: «Прежде чем перейти к рассказу о событиях в Украине, стоит заметить, что все эти законы, о которых

шла речь в выступлении Людмилы Улицкой, были навязаны и украинскому обществу 16 января 2014, простым методом сору and paste. Сделал это режим Януковича, но не он был автором этого замысла. Эти законы, как и вся деятельность режима Путина (как и бывшего режима Януковича), жиднутся на большой лжи, на легко узнаваемой наметанным глазом дешевой подделке настоящего продукта, подмене основных понятий, таких как правда, демократия, справедливость, достоинство. Это своего рода

фальшивомонетчики, подменяющие подлинное – фальшивым»...

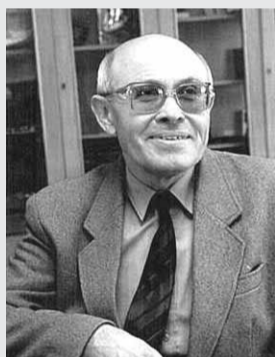
Ну что ж, министр Мединский (вообще-то он член путинско-медведевской команды или засланный фальшивый казачок?) знает, за кого ратовать. В этих коротких заметках я хотел ёмко представить его протезе и заявить: да, я тоже резко критикую порой деятельность президента Путина, выстроенной им вертикали власти, но я не терплю огульных обвинений, где за критикой первого лица угадывается поношение государства под именем Россия. И делить крышу с русофобами, антигосударственниками, пусть их почему-то поддерживает министерство культуры – не намерен, как, уверен, и тысячи честных писателей России.

24.07.2014 г.

ПРОЧТЕНИЕ

НЕПРЕХОДЯЩИЕ ГЕРОИ БОРИСА ЕКИМОВА

Борис Екимов

родился в городе Игарка Красноярского края в семье служащих. Работал токарем, слесарем, наладчиком, электромонтёром на заводе, строителем в Тюменской области и в Казахстане, учителем труда в сельской школе.

Как прозаик дебютировал в 1965 году. В 1976 году был принят в Союз писателей России, а в 1979 году окончил Высшие литературные курсы.

За свою многолетнюю писательскую деятельность Борис Екимов создал более 200 произведений. Печатаются в популярных литературных изданиях: «Наш современник», «Знамя», «Новый мир», «Нива Царицынская», «Россия». Наиболее заметный интерес у читательской аудитории вызвали публикации Б. Екимова в «перестроечные» годы на пике тиражности «толстых изданий»: сборники рассказов «За тёплым хлебом», «Ночь исцеления», романы «Родительский дом», «Пастушья звезда».

Бориса Екимова нередко называют «проводником литературных традиций Донского края». Лейтмотив его произведений – реальные жизненные будни простого человека.

Дмитрий Шеваров, обозреватель газеты «Труд»: «Всякий, кто читал хоть один рассказ Екимова, наверняка запомнил писателя. И хотя все его герои – жители задонских хуторов, каждый скажет: это про нас, про меня. Про нашу жизнь – тревожную, разбитую на осколки. Силой таланта и любви писатель бережно собирает эти осколки в повествование, которое, думаю, надолго останется в русской литературе как честное свидетельство обо всем, что мы испытали в последние 20 лет».

Произведения Бориса Екимова переводились на английский, испанский, итальянский, немецкий, французский и другие языки. Его повесть «Пастушья звезда» включена в президентскую библиотеку – серию книг выдающихся произведений российских авторов.

Борис Екимов – член правлений Союза писателей РСФСР (с 1985 по 1991 годы) и Союза писателей России (с 1994 года). Был членом редколлегии еженедельника «Литературная Россия» (с 1987 года). Член редколлегии журналов «Отчий край», «Роман-газета» (с 1998 года). Член комиссии по Государственным премиям при Президенте РФ (с 1997 года). Входил в жюри Букеровской премии (1997).

С первого момента знакомства с творчеством Бориса Екимова сразу понимаешь, что герои его рассказов – самые простые люди, жители донских хуторов. Все те, кого жизнь с её войнами, кризисами и перестройками всячески ломала, но до конца сломить так и не смогла. Екимов действительно смог в своих произведениях во всех красках и подробностях передать особенности жизни жителей хутора, показать непоколебимость и стойкость их характера. Не зря в 2008 году ему присудили литературную премию Александра Солженицына с формулировкой: «За остроту и боль в описании потерянного состояния русской провинции и отражение неистребимого достоинства русского человека».

Для начала хотелось бы рассмотреть природу, какой мы её видим в изображении Екимова. Настолько яркую и живую, что, кажется, она стоит наравне с главными героями произведений. Приведу несколько примеров из рассказа «Не надо плакать». Первое, что мне бросилось в глаза, – это описание звёздного неба: «Уже проклюнулись звёзды, зимние, льдистые. А потом появилась луна, сначала багровая, кособокая. Но чуть поднялась, посветлела и стала точь-в-точь пасхальное яйцо, крашенное золотистой охрой ли, луковым отваром». Столь интересное и поэтическое сравнение, что мимо пройти просто невозможно! Иногда кажется, что природа у Екимова обладает и даром речи. Так, в одной из сцен это довольно хорошо показано:

«– Плакать не надо... Здесь так хорошо, – обвела она (мама Нади, главной героини, – прим. авт.) руками и взглядом двор и округу. – Так тихо. Не надо плакать».

Просторный тихий двор, зелёная окрестность, долина, холмы, лёгкий пахучий степной ветер, чистое огромное небо – всё, казалось, безмолвно, но повторяет за старой женщиной: «Не надо плакать».

Далее – сцена, когда Надя и Володя ехали в грузовике. У последнего обычно играл приёмник, но в этот раз он был выключен.

«– А где твоя музыка? – спросила Надя. – Ты разве не слышишь? – удивился Володя. – Давай сделаю громче, – он выключил мотор».

Надя удивилась, но вдруг поняла. И нельзя было не понять, не услышать. По инерции машина катилась, а навстречу ей и вослед от земли и от неба звенели серебром жаворонки, нежно перекликались золотистые щурки, томно стонали горлицы, желтогрудые иволги выводили печальную песню, вызванивали варакушки... Птичий хор звенел стройно и слаженно».

Музыку привычную заменила музыка природы. Современный человек, наверное, и позабыл уже, что это такое. Но это мы уже затронули другую проблему, к которой, пожалуй, и перейдём – проблему ценностей.

Рассмотреть её можно на примере рассказа «За тёплым хлебом». После прочтения первым делом я снова обратилась

к названию повести. Каков её главный сюжет? Герой произведения, дед Архип, отправляется из хутора в город за углём, так как в их краях уголь давно закончился, печи топить нечем, в домах стоит двадцатиградусный мороз. Но если бы это было главной темой, то тогда рассказ стоило бы назвать «За углём», разве нет?

По мере прочтения понимаешь, что сама поездка и последовавший за ней отказ Архипу в его просьбе – это вовсе не то, что хотел подчеркнуть автор. На обратном пути Архип видит, как с машины около магазина выгружают свежий хлеб. И он, «опьянённый райским запахом хлеба», заходит в магазин. Архип и сам не заметил, как горбушка хлеба оказалась у него в руках.

Стоит отметить, что в данном произведении даже природа так подробно не была описана, как кусочек хлеба:

«Так сладок был этот чистый пшеничный хлеб с упругой, хрусткой корочкой, с ещё горячей ноздреватой мякушкой... тёплый хлеб обогрел нутро и по жилам потёк горячим током... он жевал и чуял языком и нёбом пресную сладость пшеничника, слышал еле заметный и дразнящий дух хмельной кислоты и сахарную горчинку корочки... её даже в руке держать было хорошо; чуять пальцами упругую корку, под которой горячей кровью бродило тепло неостывшей живой мякушки».

Хлеб в рассказе – словно существо, обладающее душой. Только он и грел Архипа, когда он снова выходил на пробирающий до костей мороз. А всё потому, что «хлебное тепло и дух теперь были с ним».

«Что племянник, что его ночевье, что уголь – всё это ерунда. А вот старухе хлебушка принести свежого, как обрадуется». А ведь в наше время вряд ли бы кто-то расставил приоритеты именно таким образом. Поменялось ли общество? Безусловно. Сами приоритеты? Как видите. Только и остаётся, что читать подобные произведения и с ностальгией вспоминать о былых временах, когда ценности у каждого были совсем не такие, как у нынешнего общества.

Верующие люди знают, что добрые дела нужно делать молча. Ведь если ты рассказываешь кому-то о своих хороших поступках, то косвенно тешишь свою гордыню. Мол, вон какой я молодец – нищему на улице копейку дал, похвалите меня. Герои рассказов Бориса Екимова не стремятся прославиться добрыми делами. Они просто живут по совести. Соседи друг о друге беспокоятся, родственники помогают, а кто-то из героев даже в «фонд мира» тысячу отдал. Автор сумел создать свой маленький мир, где все персонажи с их переживаниями, горестями, лишениями умеют, в первую очередь, оставаться людьми.

Мы часто пытаемся оправдывать свои или чужие дурные поступки какими-то сложными обстоятельствами. Вот звёзды

не сошлись, например, или «не мы такие, а жизнь такая». После прочтения рассказов Екимова понимаешь, что это именно человек, а не ситуация управляет судьбой. Например, рассказ «Ночь исцеления», где старушка кричала от тревожных снов, показывает нам разных людей в одних и тех же обстоятельствах. Дети сначала призывали её молчать, а потом и совсем приехать перестали – не даёт бабуля спать никому. Внук же поступил иначе, мудрее, нашёл совершенно иной путь – исцелил заботой и любовью. Причём никому об этом так и не рассказав.

Или рассказ «Как дед Петро умирал», где, предчувствуя свою смерть, старик вовсе не о себе думает – помогает близким, дрова на несколько лет вперед накопил. Вот вопрос из рассказа: «А вот как мы свою смерть будем встречать, если почему её? Как встретим... А?» Желательно встретить смерть так, чтобы за жизнь не было стыдно. А какие у нас сейчас ценности? Деньги. Миллиарды с собой в ад не заберёшь, как известно...

Читаю в интернете рассказ «Тысяча рублей в фонд мира», а его половинит объявление с текстом: «Хватай баксы – играй в покер». Реклама как бы намекает: ну хватит уже Екимова читать! Какая нравственность вам, какая мораль, когда у нас тут покер за баксы! Смешно.

Возвращаемся к повествованию. В упомянутом выше рассказе тётя Дуня бесплатно отдала соседу штаны, которые сама сшила. В каждой деревне обязательно найдётся бабулька, что может заменить собой весь фонд мира.

Взаимопомощь – важная вещь. Только в наше время это явление довольно редкое. В современном мире много жестокости, и ритм жизни настолько стремительный (я же могу опоздать в школу, на работу, в гости и так далее!), что места для простого сочувствия не остаётся. Может, хватит уже думать только о себе? Люди, задушите в себе равнодушие! Иначе герои рассказов Бориса Екимова останутся только придуманными персонажами.

Завершить хотелось бы словами самого Бориса Екимова: «Да, общество в нашей стране сейчас разрозненное, разбитое. И мы не сможем всеобщую любовь и братство здесь построить. Но любви ближних и сделай так, чтобы они полюбили тебя. Эта яичка любви может потом разрастись. Но ты дорожи ею, именно этой. А ещё на небо посмотрите! Что вы смотрите на какие-то фейерверки, которые устраивают раз в год? Да неужели небо менее прекрасно, чем десять китайских петард? Жизнь прекрасна! Хлеб есть сейчас, вода есть, войны бывают редко. Так давайте жить! И потихонечку всё наладится. Но – через 370 лет!»

М. Доценко
Э. Добрынина,
студенты журфака КГУ

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Анатолий Ильяхов

БЫТЬ БОГАТЫМ ИЛИ МУДРЫМ?

(Окончание, начало в № 7)

Стоит прислушаться к совету Зенона Элейского, который говорил: «Если у кого-то много денег, это ещё не значит, что он должен их промотать. Не поступай так, как мог бы повар – пересолить лишь потому, что в солонке у него много соли».

Чего нельзя позволить себе богачу? Прежде всего, богатый человек не должен поддаваться страстям, которые возбуждаются деньгами, ибо человек, как сказал древнегреческий политик Солон, «обладающий большими деньгами, создаёт над собой господина и отдаётся в такое рабство, не менее унижительное, чем всякое другое».

Аристотель в труде «Характеры» подметил, что, находясь в зависимости от богатства, люди высокомерны и надменны. Богатые отличаются от бедных тем, что рвутся властвовать над ними, потому что, по их мнению, они обладают нужными для этого качествами. Богачи так настроены, будто богатство есть мерка для оценки всех остальных благ, поэтому им кажется, что они могут купить всё. Но такое поведение, замечает философ, «от дурного воспитания!» И вообще характер у людей, недавно разбогатевших, и у людей, давно богатых, отличается именно тем, что люди, недавно разбогатевшие, обладают всеми пороками в большей и худшей степени. Это потому, что быть только что разбогатевшим значит как бы быть невоспитанным богачом. И несправедливые поступки, которые они совершают, порождаются не злобой, а высокомерием и невоздержанностью.

Главный порок «новых богачей» – жадность. У Геродота есть история о том, как некто Алкмеон из Афин оказал одну важную услугу царю Лидии Крезу, самому богатому из правителей («Богат как Крез!» – это из того времени). Царь отблагодарил его тем, что сказал казначею:

– Выдашь греку столько золота, сколько он сможет вынести из сокровищницы.

Алкмеон был ослеплён необыкновенным сиянием золота в царской сокровищнице. Золото было везде – горы золотого песка на каменном полу, груды золотых монет в огромных сундуках. Алкмеон словно обезумел, он стал засыпать «песком» высокие кожаные сапоги, в которых пришёл, и даже ухитрился насыпать его себе на голову – в

причёску. Он жадно захивал монеты за пазуху широкого хитона, а когда уже не оставалось места, куда можно было ещё спрятать золото, набил монетами... полный рот! И в таком виде кое-как вышел к царю.

Когда Крез увидел Алкмеона, неестественно раздутого, словно бычий пузырь, едва волочившего ноги в тяжелых сапогах, с волосами, сияющими в солнечном свете золотыми бликами, да ещё с надутыми от золота щеками, он стал громко смеяться. За ним захохотали сановники. Алкмеон, осознав комичность своего положения, тоже рассмеялся – и золото посыпалось у него изо рта. Живот заколыхался от смеха, и на пол со звоном стали падать золотые монеты из хитона...

Крез не стал наказывать гостя за жадность – золота у него было много, к тому же царю показалось забавным видеть, как уродуются люди ради золота. Он оставил Алкмеону всё, что тот взял из сокровищницы, и даже дал в дорогу выносливого мула для золотой поклажи и воинов – сопроводить до границы царства, чтобы уберечь от лесных разбойников.

Античные авторы сообщают, что после возвращения в Афины Алкмеон купил самых лучших в Греции коней, которые победили в состязании колесниц в Олимпии, отчего он сильно загордился. Сograждане говорили Алкмеону, что «не к лицу гордыня тому, кто разбогател дурными средствами, да ещё вдобавок сам дурного нрава и дурного вида», но это его не беспокоило. Как говорил мудрейший Сократ: «Богатство и знатность не приносят никакого достоинства – напротив, приносят лишь дурное». В чём счастье обладателя богатства? Несомненно, есть разница между понятиями «жизнь счастливая» и «жизнь роскошная». Первая основана на воздержании и самоотверженности, а вторая – на неумеренности, роскоши и отсутствии всякого порядка и пристойности; первая заслуживает справедливой похвалы, тогда как вторая – порицания. Как сказал бывший раб, философ-стоик Эпиктет: «Если хочешь жить счастливо, не ищи похвал за роскошную жизнь».

Солон говорил о том, что на вопрос, счастлив ли богач, невозможно ответить, пока жизнь его не окончилась благополучно. Ведь обладатель любых ценностей

и сокровищ может не сохранить своего богатства, и тогда он сам себя уже не назовёт счастливым человеком. Поэтому мудрецы предлагали богачам, желающим ощущать себя счастливыми, делиться своим добром с неимущими: «Если ты не поможешь неимущему, не помогут и тебе в нужде». Последовавшие советам мудрецов понимали, что единственное настоящее богатство – душевное, в остальном больше горя, нежели радости.

Вот почему у Демокрита есть мнение, будто «счастлив тот, кто богат, а богат тот, кто не нуждается в богатстве».

Зачем же греческие мудрецы призывали сograждан даже не к умеренности, а скорее к бедности?

«Не бедность наводит нас на грустные думы, но наши желания, – говорили мудрые греки, – и не богатство рассеивает в нас чувство страха, а рассудок. Раз у тебя есть рассудок, ты не станешь ни желать себе богатства, ни роптать на свою бедность». Дело в том, что греки видели мало примеров, когда богатый дом становился гостеприимнее, хозяева – добрее; напротив, в большинстве случаев они жаднее и скреднее бедняков. И даже если находился какой-нибудь богач, один из многих тысяч, щедрый и великодушный, это вовсе не доказывало, что большинство их обладает этими качествами в большей степени, чем малоимущие. Наверно, поэтому правитель Коринфа Периандр предлагал богачам умерить свои корыстолюбивые аппетиты. Но бедным на всякий случай запрещал бездельничать.

Древнегреческое общество не приветствовало богатую обстановку в домах, показную роскошь. Да и вообще богачи не строили себе дворцов, чтобы не вызывать зависть у соседей, которые могли написать на них донос, что те живут «не по средствам». Не зря Солон строго говорил афинянам: «Кто не может указать, на какие средства он живёт, должен лишиться гражданских прав».

Стены своего жилья богачи не украшали картинами, статуями или живописью – это допускалось только в общественных местах. Но им не воспрещалось делать пожертвования и дары в сокровищницы храмов, участвовать в финансировании строительства военных кораблей, содержании театров

и стадионов, организации городских торжеств и праздников. За это богачи получали уважение сograждан, вплоть до восхищения. Подобная благотворительность была единственным делом, которым богачам позволительно было хвастаться. А ведь невозможность похвастаться богатством они полагали равной его потере. Без зрителей и восхищённых свидетелей любое богатство, по их мнению, превращается в ничто!

Платон в своих «Законах» предлагал гражданам «идеального государства» не обзаводиться предметами роскоши, запрещал хождение золотых и серебряных монет. «Будет вполне достаточно железа и меди, добываемого в рудниках, а пользоваться другими металлами (золотом и серебром) незачем, так как они могут повредить даже самым здоровым обществам», – так говорил легендарный законодатель Спарты Ликург, вводя в оборот железные деньги, тяжёлые и неудобные. Он же запретил ввоз в страну ценных бытовых товаров, посуды, мебели и дорогих тканей. Как показала жизнь, Ликург и Платон оказались правы в своих жёстких ограничениях, потому что Спарта, живя по этим, казалось, диким законам, была непобедима восемь столетий после смерти Ликурга.

А затем спартанцы разграбили Афины и привезли домой неслыханные ценности, разделив их между собой как «честную» военную добычу. Забыв прежние запреты, они начали жить в роскоши. И вскоре Спарта начала терпеть поражение за поражением от врагов, которых ранее всегда побеждала.

Отсюда вывод – лучшим поводом для счастья человека, богатого или не очень, стоит считать то, о чём говорил жизнелюбивый Эпикур: «Имей всегда в своей библиотеке новую книгу, в погребке – полную бутыль с вином, в саду – свежий цветок – и ты счастлив!»

* * *

Хотелось бы завершить своё исследование чётким ясным выводом – да не получается, что и неудивительно, ведь даже просвещённые эллины между собой толком не договорились, что лучше – быть богатым или мудрым? И всё же приведу слова Эпикура, которые он говорил друзьям: «Жить в нужде плохо, но только нет нужды жить в нужде».

Так что выводы делайте сами...

ДЕБЮТ

Людмила
Мурашова

г. Краснодар

Позолоченный пруд

Небо обнимают ветви молодые,
Нитями от солнца кружево
плетут,
Кружево опустят в волны
озорные,
Солнечною рябью позолотят
пруд.
Ветер мой весенний, ветер
шаловливый,
Ты сорви немного кружева
с ветвей,
Шалью золотистой с бархатным
отливом
После зимней стужи сердце
мне согрей.

Гроза

Сойдутся тучи над горою,
И станет ночь еще темней,
И око желтое сокроют
За шалью дымчатой своей.
Но иглы молний заплетутся
Порежут шали на куски,
И тучи грозные сойдутся
Опять сшивая лоскутки...
Хочу быть там, за облаками,
Где томно плаваает луна,
Куда вливается хребтами
Часть гор, которая видна.

И молний плавные спицы
Хочу бросать на землю я
Чтоб выжечь словом дух
безликий
С картины светлой бытия.

* * *

Не плачь,
В небе очерчено
Искрами звездными
Имя твое.
Не плачь,
Путь твой увенчанный
Звездными гроздьями
В небе цветет.
Ты знай,
Тучи рассеются,
Скоро просыплется
Бисером дождь.
Мечтай,
Если надеяться,
Звезды омытые
Ты соберешь.

Дорога в бесконечность

В глазах туман от сладкой
дремы,
Густеет сумрак надо мной,
И упоительной истомы
Я пью божественный покой.

И где-то между сном и явью
Меня качают облака,
Я все тревоги здесь оставляю,
Душа спокойна, плоть легка.
Я отрываюсь, тихо нежась
От утомленного «вчера»,
И по дороге в бесконечность
Я исчезаю до утра.

Венчание

Трепетно, трепетно
Ласковым лепетом
Пташка эфирная
Нежная, смиренная
Тихо молилась,
Слезно просилась
В руки твои,
Услышь, возьми!
Слышишь биение
Сердца бесплотного,
Крови, что соткана
Из дуновения
Чувствуешь пульс?
Сладостный вкус?
Облако – в руки
И будишь дыханием
Радость и муки,
Но духа венчание
Свято.
Аминь.

Смотри

Беру я в руку правую
Из муки ленту алую,
Беру я в руку левую
От солнца ленту белую.
Сплетайтесь, ленты сонные,
Сквозь ночь летите темную,
Обвейте руки милые,
Сожмите с дикой силою,
Обвейте сердце дальнее
Вы хваткой обручальною,
И с криком пусть откроются,
И пусть слезой омоются
Те пылью занесенные,
Ослепшие глаза:
Смотри, как сердце плавилось,
Вкруг пояса змея вилась,
Не важно,
Лишь бы мерзкая
Не тронула тебя.

* * *

Я хочу до капли выжать,
Все, что сердце берedit,
Чтобы выплыть, чтобы выжить,
Чтобы словом сечь гранит...
Чтобы в крошку, чтобы в пудру
Промололась жизнь-руда,
Из нее земное чудо
Словом вылеплю тогда.

ЮБИЛЕЙ

НАПИСАТЬ БЫ О ЧЁМ-НИБУДЬ СВЕТЛОМ

(О поэте Сергее ЗУБАРЕВЕ)

Это стихотворение сразу бросилось в глаза, когда ещё даже не читал, а просматривал его стихи, выставленные на сайте Николая Зиновьева:

Написать бы о чём-нибудь светлом:
Как росу птицы пьют поутру,
Как весной в новых платицах ветлы
В пруд глядят и шумят на ветру.

Или просто о вечере влажном
И про крик перепёлки во ржи...
Но пройдёт инвалид в камуфляже,
И растают стихов миражи.

Неудивительно, что бросилось в глаза, потому что не заметить такое стихотворение вряд ли возможно. Особенно его неожиданный поворот к двум последним строчкам, где так много и о нашей жизни, и об отношении к тому, что нас окружает.

Удивительно другое – до нынешнего лета я не знал о том, что существует такой поэт, и узнал об этом случайно, получив по электронной почте письмо с вопросом: где можно купить мой сборник стихов. В конце стояла подпись – Сергей Зубарев, а дальше – г. Анапа. Поскольку в Анапе моих сборников скорее всего нет, попросил Сергея прислать точный адрес, сказав, что вышло книжку бандеролью. Заодно попросил рассказать немножко о себе.

Он написал, что родился в 1954 г. в Челябинске, служил во флоте – на десантном корабле, с 1966 г. живёт на Кубани, работает машинистом-оператором котельных установок. И, как бы между прочим, – что тоже пишет стихи и, если мне это интересно, может прислать сборник, а пока со стихами из этого сборника я могу познакомиться на сайте Николая Зиновьева. О том, что он уже пять лет как член Союза писателей России, не сказал. Да и у кого бы в Москве я ни спрашивал об этом поэте, никто его не читал, что, впрочем, неудивительно, поскольку мы уже давно, к сожалению, не самая читающая страна. А лет тридцать (и более) назад, думаю, такой поэт был бы у нас широко известен и постоянно востребован.

Вот такое знакомство и привело к тому, что я получил от автора его книгу «ДУША, КАК ВЫЖЖЕННОЕ ПОЛЕ», изданную в Таганроге издательством «Нюанс» в 2010 г.

Сборник назван первой строчкой одного из стихотворений, в него вошедшего:

Душа, как выжженное поле.
И вместо полевых цветов
Горят огнём здесь угли боли,
Роня искры лепестков.
Вот догорят они...И что же?
С души развеется зола?
И вновь душа, как раньше, может,
С цветущим полем будет схожа,
Полна и света, и тепла?
Но что-то говорит, и впрямь
Те угли будут тлеть и тлеть...

Будут, конечно, тлеть хотя бы потому, что мы помним, чем заканчивается стихотворение, приведённое здесь первым. Да и много ещё отчего этим углям тлеть и впрямь, поскольку давно сказано, – «поэт – человек без кожи, и душа его обнажена и беззащитна».

Но пока – немножко о другом. О том, что в каждом из нас живёт, сколько бы мы ни жили:

Колышется шёлк занавески
Окна, отворённого в сад.
В саду том поют «Арабески»,
И яблоком зреет закат.
И мы в том саду молодые
С друзьями сидим у костра
И слушаем песни чужие,
А нам бы свои петь пора.

А если кто станет нестойким
Его я судить не берусь...
В стране ещё нет перестройки,
И крепок Советский Союз.

Не правда ли, когда читаешь, такое чувство, будто и о тебе написано. И ещё – очень важное поэт сказал о себе в двух начальных строчках последнего четверостишия, потому что: «Не судите, да не судимы будете».

Какое место любовь занимает в душе этого человека мы понимаем с первых же стихотворений его сборника:

Эта ночь была не для весталок,
Не для строгих схимников-аскетов.
За окном гроза дождём хлестала,
Лепестки срывая с мокрых веток.
Поцелуй нездоровым тёрном
На губах слова любви вязали.
Страсть ваяла. Глиною покорной
Перед ней влюблённые предстали.
Дождь уже устал стучаться в окна,
А грозе нет ни конца, ни края.
Захмелевший сад, насквозь промокнув,
Для влюблённых был подобьем рая.

Чтобы так сказать о любви, нужен не только талант почувствовать это, но и способность, ТАК выразить.

Согласимся, что лирическая одарённость поэта очевидна. И дальше уже вместе с ним находишься во власти самого главного нашего чувства, о котором поэт, рассказывая о себе, продолжает:

Когда заневестились вишни,
Фату расплескав на ветру,
Не случай, скорее Всевышний,
С тобою нас свёл ввечеру.

Всё было за долгие годы:

И жар, и осенняя стынь,
И соты душистого мёда,
И розы, и тёрн, и полынь.
За всё перед Богом ответим:
За холод душевный и пыл.
И скажем, спасибо за цветень,
Которым он нас одарил.

В пяти четверостишиях – жизнь и те её самые дорогие для нас моменты, когда вдруг почувствуешь, что:

...И ожил славянский наш цветень,
И замер латинский апрель...

Но вот – совсем другая тема, которая его, конечно же, никогда не отпустит, потому что он – сын участника Великой Отечественной войны, воевавшего в составе Воздушно-десантной бригады, да и сам Сергей – бывший морской десантник:

Жизнь солдата – это книга,
Где в соавторах война.
И в огонь бросают мигом,
Только дашь приказ, страна...

А теперь приведу, на мой взгляд, – одно из лучших стихотворений, что я читал о войне у послевоенного поколения поэтов:

То ли ангел-хранитель устал,
То ли где-то на марше отстал,
Что случается, в общем, нередко,
Но в то утро, не зная о том,
Под осенним промозглым дождём
Без него уходил ты в разведку.
Сколько раз выполнял ты приказ,
Не сумел лишь единственный раз
Возвратиться по лезвию бритвы, –
А закат был кровав, как на грех,
Ты остался лежать среди тех,
Чьи Господь не услышал молитвы.
Дождь прошёл. И в кровавую грязь
Снег посыпался с неба, кружась,
Ветер в поле завыл диким зверем.
Хлопья снега летели к земле –
Это ангел в нахлынувшей мгле
На себе рвал в отчаянье перья.

Не правда ли, полное ощущение, что написано изнутри, будто сам всё это пережил на войне. Что значит – дар почувствовать и передать.

Мы уже отмечали неожиданные повороты в стихах Сергея Зубарева. Эта неожиданность – тоже особый дар, потому

что придаёт изюминку выражению любой мысли, – будь то в стихах или в прозе. И вот очередная такая «изюминка» в стихотворении «Спряжение глаголов»:

Жизнь уроки давать не устанет,
И спрягаем опять и опять:
«Обманул, обманула, обманет...»
Да не всем сдать экзамен на «пять».

Что же держит тогда в мире этом,
Где и честь отдаётся рублю?
Безглагольное чудо расставов
И глагольное: «Любишь?»
– Люблю!»

Помимо того, о чём уже сказал, хочется ещё и повторять, и повторять последнее четверостишие. Ведь оно действительно о том, что держит нас в этом мире.

Продолжая разговор об «изюминке», должен заметить, что чем короче стихотворение, тем труднее его написать. Многие поэты, например, пытаются писать четверостишия, но лишь единицам это удаётся. Потому что короткое стихотворение требует оригинальности мысли, а это – врождённое. И поскольку Сергей Зубарев такой оригинальностью наделён, в его четверостишиях нет банальности. Поэтому, с удовольствием привожу несколько из них, произвольно открывая книжку на разных страницах:

Под девизом благим
Разделили страну пополам:
Недра им,
Дым Отечества нам.

Исходя из текущих моментов
И желанья быть на виду,
Он играл на любых инструментах
И плясал под любую дуду.

Думаю, уважаемый читатель уже оценил степень эlegantности, с которой поэт иной раз хочет кратко выразить свою мысль. Эти и другие его четверостишия, с первого же прочтения входят в память, именно благодаря тому, о чём мы только что говорили.

К сожалению, Сергею пришлось пережить самое горькое, что только может случиться с человеком:

Мы купали тебя в череде,
Чебрецом набивали подушку...
И в окно загулявшей звезде,
Ты казался уснувшей игрушкой.
Был спокоен и светел твой сон,
Говорила об этом улыбка.
И улыбке твоей в унисон
Улыбались мы с мамой над зыбкой.
А о чём мы мечтали тогда?
И не вспомнить...О чём-то хорошем.
За окошком всходила звезда,
Среди сотен таких же горошин.
И взошла золотая! Взошла,
Чтобы стать путеводной звездой.
И, как ночь наступала, лила
Свет с небес тридцать лет над тобою.
Что случилось? – нам знать не дано.
Ты ушёл вдруг в преддверии лета...
И в душе, и на небе темно
Без тебя и без звёздочки этой.

Комментировать это невозможно, да и не нужно.

Не знаю, в силах ли кто сдержать свои слёзы, читая эти – скупые на внешние эмоции, но полные внутренней боли строчки. Потому что такая мужская сдержанность, чтобы не показать своё горе постороннему, у которого, может, своего хватает, и эта деликатность даже в таком страшном положении приводит к абсолютному сопереживанию.

У Сергея есть и другие стихотворения об этом горе, но нет сил приводить те строчки, потому что его боль входит в тебя полностью.

Конечно, слава Богу, что есть ещё и младший сын, который требует заботы, и она хоть немного, но оттягивают боль:

...Младший сын мне не даёт уйти,
Он с собою вносит в дом надежду.
Господи, где силы обрести?

Чтобы не сломаться мне в пути.
Жизнь и смерть...А я всё маюсь между.
Но, может быть, не только это заставляет жить дальше и позволяет обрести силы. За несколько лет до трагедии в одном из своих стихотворений Сергей написал так:

...В лютый холод ты пламенем веры
Согревайся и знай наперёд,
Что Господь испытанья сверх меры
Никогда никому не пошлёт.

Две последние строчки, если они не выношены, не выстраданы, так не напишешь, потому что в них – результат душевной работы человека, поэзию и мироощущение которого, думаю, мы уже успели почувствовать и полюбить.

* * *

Как и у многих поэтов есть у Сергея Зубарева размышления о своём творчестве, точнее, о его сути, хотя как и каждого творческого человека его одолевают постоянные сомнения в собственной состоятельности, как поэта, но время от времени приходят и радости поэтических находок:

...Ночь таяла, как восковой огарок.

Душа искала нужные слова.
И вот стихи ложились без помарок,
Последний стих, как поцелуй, был жарок...
О, как тогда кружилась голова!

Для этого человека Поэзия – всегда с большой буквы, потому что – раз и навсегда: «Как перед светлым храмом на Руси, я пред тобою преклонил колени». И, читая всё, что он написал, может ли кто-нибудь усомниться, что помимо дарования, щедро отпущенного ему природой, Поэзия для него – это способ жить. Как воздух. Оттого у него и нет легковесных строчек и даже слов. Но послушаем самого поэта:

«Не рассыпай слова. Сомкни уста!» –
Невидимый мне кто-то шепчет рядом.
И душу пленяет немота,
Как зимний сад безмолвье снегопада.

В бессилье горьком падает на лист,
На нём своих следов не оставляя.
Душа молчит. И лист убог и чист,
И крик немой, как запятая злая...

Стихотворение называется «Немота», и становится понятным, как поэт относится к каждому слову, которое решает оставить на листе бумаги.

* * *

А вот строфа из другого стихотворения:
Не плачь Любовь моя!
Ещё тот день не скоро
Когда с тобою мы расстанемся навек
Коль суждено пройти больничным

коридором

Его не миновать. Как, впрочем, и аптек...
Думаю, нет смысла здесь что-то комментировать, потому что, как в предшествующем стихотворении слово «Поэзия», так и в этом слово «Любовь» идут с большой буквы. Человек сказал о себе главное.

Может быть, поэтому при всей горечи многих стихов Сергея Зубарева, его вдохновение несёт в этот мир свет.

Конечно, хочется приводить ещё и ещё стихи сразу полюбившегося мне поэта, но, поскольку у каждого своё восприятие, то лучше сделать так, как советует Николай Зиновьев: «Берите, читайте, наслаждайтесь чистым чувством, выраженным таким же чистым русским языком...поэта Божьей милостью».

Григорий БЛЕХМАН
Москва

ЮБИЛЕЙ

Сергей Зубарев

ПЕСНЯ СТАРОЙ ГРУШИ

Сыну Дмитрию

Ты был зачат по вдохновению
И по любви, а не случайно.
И дата твоего рожденья,
Где груша старая скрипела.
Приснившись, не являлась тайной.

Тот день... вернее, ночь настала,
А после и грозой вскипела.
Бичами молний сад хлестала,
Где груша старая скрипела.
А мне казалось: пела, пела!..

С тех пор промчалось лет немало.
Той груши нет – в печи сгорела,
В трубе заплакала устало
И дымом в небо улетела.
Но я-то помню, как мне пела!

Ту песню вспомнил не случайно –
Ведь скоро грянет день Победы,
А следом день необычайный:
Ты станешь, сын, отцом, я – дедом.

Другая песнь прольётся звонко,
Мелодии не будет слаще.
О миг рождения ребёнка!..
И белых облаков пелёнки
Развесит в небе день пьянящий.

***

Виноград ещё не обрезан, запущен двор,
Рук хозяйских давно уже заждались
терраса.
А хозяин метёт по страницам словесный сор,
Всё надеется отыскать золотую фразу.

Как паук паутину, он рифмы плетёт, плетёт...
Пока катит свои беспощадные воды Лета,
Он Поэзии бабочку так вдохновенно ждёт,
Чтобы та соцветья стихов опылила
светом.

А наутро выйдет, не выспавшийся,
во двор
И секатор возьмёт, опьянённый ночной
удачей.
Вслух читая стихи, с виноградом начнёт
разговор.
И обрезанный виноград, ему внимая,
заплачет.

***

Дом, работа и больница –
Мой бермудский треугольник...
А ночами часто снится,
Всё в цветах душистых, поле.

В этом царстве разнотравья
Правят бал шмели да пчёлы,
И порхают, солнцем слава,
Стаи бабочек весёлых.

Я тону в цветущих травах,
Захмелев от медуницы.
Здесь ни левых нет, ни правых...
Жаль, что это только снится.

ПШЕХА*

В реке этой горной учился я плавать.
Она учила меня...
Достала жара. На корню вяли травы
От солнечного огня.

С ватагой ребят прибежал я на речку
И, где река глубока,
Меня, не успевшего ойкнуть словечко,
Швырнули, будто щенка.

Холодные струи пронзили всё тело.
На то она и Пшеха –
Река, несущая копыя и стрелы.
Смеялось эхо: ха-ха!..

Река пробудила во мне волю к жизни.
Барахтался, в страхе грёб.
Вдруг понял: плыву!..
Ах, Пшеха, снова брызны
Водой ледяною в лоб.

Вот боли пронзили и душу, и тело.
Сколько же их на пути?
И берег высок, где боярышник белый,
И я не хочу грести.

Пшеха*, ты вонзи свои стрелы и копыя –
Плесни живою водой,
Чтоб я не глядел на судьбу исподлобья,
А плыл на свет золотой.

***

Поваленный бурей цветёт абрикос,
В ветвях его пчёлы летают.
А солнца лучи, будто спицы колёс,
В них кружится пыль золотая.

С обломанных, некогда мощных, корней
Почти вся земля отвалилась.
И, как по любимой, он сохнет по ней,
Ветрам отдаваясь на милость.

И вот уже силы уходят в песок.
Распилят его на поленья.
И он, умирая, последний свой сок
До капли отдаст на цветенье...

...Вот так же, бывает, и люди порой,
В свой срок уходя иль до срока,
Одарят улыбкою, фразой, строкой,
Как будто живительным соком.

***

«Род проходит
и род приходит...»
Эклезиаст

Колокольчики в травах
звенят ли, плачут?
Им всем тяжело
от слёз, от росы ли?
Вот царь-колокол зазвонил,
не иначе –
Русских всё меньше
и меньше в России.
Как грибы растут
по селеньям погосты.
Неужто судьба
урожай итожит?
Как сказано, все мы
случайные гости.
Сквозь гром раздаётся
не глас ли Божий:
«Говорил вам, плодитесь
и размножайтесь.
Но что маловерам
мои советы!
Всему своё время.
Не обижайтесь!
Другие приходят
на землю эту.»?
Гроза отшумит.
В небе высыпят звёзды,
В прудах ли, реках
всю ночь отражаясь.
Спит земля и ей снится:
«Ещё не поздно.
Богатырей мы ещё нарожаем!»

***

Промотал драгоценное время.
И накрыл горьких мыслей обвал:
«Много пил. Да и часто не с теми.
А порой без любви целовал...»

* Пшеха – река в Краснодарском крае,
имеет несколько значений в переводе с
адыгейского. Одно из них: река – несущая
копыя.

Душу травит немислимим ядом
Запоздалое чувство стыда.
От весенних распахнутых радуг
Не осталось в ней даже следа.

Где небес золотое свеченье
Над рекою, над кронами ив,
Ты покорно плывёшь по теченью,
Прямо в небо весло уронив.

С каждым всплеском всё ближе к закату.
Как щемящ тихий вздох камыша!
Свет прощальный...
К нему виновато
Кроткой бабочкой рвётся душа.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Р. П.

Поплачь в последний раз, моя гитара,
Взмолись, моя монахиня в миру!
Поплачем вместе две подруги старых.
Мне кажется, что без тебя умру.

С тобой мы столько выплакали песен,
А сколько к небу вознесли молитв!
Но стал ли мир от этого чудесен?
Мир не спасли. Вот и душа болит.

Твои семь струн, как продолженье нервов
Натянутых, моих, я бью рукой.
Удача и успех целуют первых.
Последних отправляют на покой.

С тобой, моя подруга, так нелепо
Жизнь губим, до безумия любя...
Я струны рву и разбиваю в щепы
Тебя, моя любимая, тебя.

Ну вот и всё! Отплакали с тобою.
Последнюю молитовку прочли.
Она взлетела в небо голубое,
А ты лежишь разбитая в пыли.

Лежишь в пыли и, об огне мечтая,
Ты с укоризной смотришь на меня:
«Сожги дотла!» Конечно, золотая,
В последний раз я дам тебе огня.

Сегодня будут похороны песен.
Твой чёрный гриф, вздымаясь, из огня
Вдруг прохрипит, что этот мир так тесен
И для меня – да, да! – и для меня.

***

Петухи не во сне ли пропели?
Не за печкою ль скрипнул сверчок?
Никого! Все давно улетели.
На деревне один «дурачок».

Вот проснулся опять с петухами,
С полоумным запечным сверчком
И, бубня, он наполнил стихами –
Иль молитвами! – старенький дом.

Не стонал он про горе и счастье,
Не туманил слезами свой взор.
Просто взял рыболовные снасти
По привычке и вышел во двор.

Ночь истаяла в лунной ограде.
Просыпалась с рассветом земля...
Что рыбалка? Не отдыха ради,
А сейчас пропитания для.

И спешил он тропинкою узкой
На заре среди трав росяных
К светлой речке, пока ещё русской.
Но зевнёшь, потечёт для иных.

Может, он и судьбою отмечен –
Доживать ото всех вдалеке,
Чтоб вот так разговаривать с речкой
Каждый день на родном языке.

***

Как этот мир ни плох и ни жесток,
Жить всё же хорошо на белом Свете,
Смотреть, как замечает лунный стог
Клочками снежных туч бродяга-ветер.

Жить хорошо и, что ни говори,
Так здорово встречать рассвет
с любимой.

Пусть ночь сгорает в пламени зари,
Взмывая в небо облаком и дымом.

А с чем сравнится тот счастливый миг,
Когда на свет родятся наши дети?
С любой из мам пиши мадонны лик,
И этот образ будет чист и светел.

Как хорошо сидеть на берегу
И просто так следить за облаками.
И до утра заночевать в стогу,
В такую ночь с души спадает камень.

Лишь запах сена, шёпот камыша
Да сонный всплеск воды над нею
властных.
Так сладко-сладко, что в тот миг душа
Не верит дням, когда была несчастна...

***

Светлой памяти
Николая Малашича

От «ВСЕЛЕНСКОЙ ТОСКИ»
погибают поэты...
Раньше срока. Им петь бы и петь.
Остаются стихи. И в стихах столько света,
Не стихи – колокольная медь!

Льётся звон колокольный над русской
равниной,
Завещая навеки сберечь,
Передать своим внукам и дочке, и сыну
Наше золото – русскую речь.

МОЕМУ АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ

Оставь меня, ангел-хранитель...
На время. За сыном лети
Незримою связаны нитью,
Два ангела будьте в пути.

Беда пусть пройдёт стороною.
Храни, как меня ты берёг,
Не думай, что будет со мною –
Со мною молитва и Бог.

Разлука, пока что не вечна,
Как дождик июньский пройдёт.
Какой же хмельной будет встреча
И сладкой, как липовый мёд!

Не зря же и липа у дома
Взахлёб продолжает цвести.
А значит, не быть по-другому...
Мой ангел, за сыном лети!

***

В кресле ты сидишь иль на диване,
Попивая чай иль кофеёк,
И глядишь, как на телеэкране
Пламенем объят юго-восток.

Наблюдаешь за войной «в онлайн»,
Видишь, кто-то падает, лежит
Под огнём прицельным иль случайным...
Ты же здесь не ранен, не убит,

Свой горячий кофе попивая
Вздрыгнул. В дверь стучатся. Кто бы мог?
Может это третья мировая
К нам ко всем ступила на порог?..

ПРОЗА

ВАСИЛИЙ МАКАРЧУК

ПЛАМЯ ЗЕМЛИ ИЛИ ОДИН ДЕНЬ ОПЕРАТОРОВ-НЕФТЯНИКОВ

рассказ

...Тяжело, неохотно расплзлась под ногами липкая, глинистая масса. Тропа вела меня через лес, застывший в непривычном молчании. Не было слышно пересвиста синичек, резкой трескотни вспугнутой сойки, дятла – вечного лесного труженика. Ничто не нарушало окружающей меня тишины. Только ветер гулял в кронах деревьев, срывая с них пожелтевшую листву.

Стояла осень. Серый морозящий дождь повис над землёй, окутал сотканым из мельчайших водяных бусинок одеялом опавшие листья, кусты, деревья. Было что-то неуловимо прекрасное и печальное в лесной обнажённости.

Преодолев подъём в гору, я вышел к большому камню, обросшему мхом. Здесь мой привал. Устроившись на нём, я бросил взгляд окрест. Меня захватила неповторимая картина осеннего дня. Уходящая за горизонт цепь гор, что оцетинилась в небо лесом, напоминала какую-то странную шкуру животного, которая вот-вот приподнимется от могучего вздоха её хозяина. А под всем этим в седых космах облачного покрова алым пятном угадывалось солнце. Утренняя заря угасала, так и не успев разгореться.

Порыв лёгкого ветерка запустил за воротник брезентовки пригоршню водяных брызг. Невольно чему-то улыбнулся и бегом преодолел очередной подъём в гору. Оставалась одна, последняя скважина. Её надо было проверить. И я, спохватившись, шёл дальше. Через несколько минут ходьбы по лесу перед глазами открылась поляна с возвышающейся над ней нефтяной вышкой. По мере приближения к ней всё более отчетливо стал угадываться привычный звук выброса нефти в выкидную линию. «Чшиу... Чшиу!» – доносилось из неё. И это звучало в лесной тишине как-то по-особенному, заставляло вслушиваться в постоянно повторяющиеся звуки. Было такое ощущение, что сама земля дышит через скважину, исполняя песню покорности всецельной власти человека. А поодаль, за будкой, где находилась автоматическая депарафинированная установка, или как она называется у нефтяников – скребок, высился трап. Весь покрытый дождевой пылью, он попеременно втягивал в себя нефть и, словно прижмуриваясь от удовольствия округлёнными глазами манометров, походил на того лесного старичка, который, попивая чай с блюдца, покряхтывает и забывает утереть выступивший на лице пот.

Стоило открыть вакуумный краник, как он недовольно забормотал и с тонким присвистом стал втягивать в себя воздух. Всё было в порядке, и я, изрядно продрогнув, направился к будке. Её крыша и три стены не спасали от всюду проникающей влажности. Весь окружающий мир, казалось, был насыщен, как губка, этой влажностью, сочившейся снизу, сверху... Рука ощупывала знакомые очертания щитка управления. Ага! Вот кнопка «Пуск». Лёгкое нажатие – и мотор заработал, поднимая скребок на поверхность. Ровное гудение убаюкивало. Я встряхнулся, широко раскрыл глаза. На верхнем конце фонтанной «ёлки», на лубрикаторе, медленно выползал из сальника трос, захватывая мелкие кусочки чёрного парафина. Они, как мушки, облепившие бесконечной длины серебристую змейку, чуть слышно похрустывали в роликах и отпадали комочками на землю.

– Ну так что? Тянешь? – неожиданно раздался, казалось, прямо над моей головой голос моего напарника. Очнувшись, я резко повернулся и увидел за спиной на фоне зыбкой пелены дождя его длинную, угловатую фигуру. Когда взглянул на него, он попытался зажечь под фуфайкой сигарету.

– Ну и дела! В такую погоду хороший хозяин даже плохую собаку не выгонит из дома! – цедил сквозь зубы мой напарник.

Зовут его Сергей. Но все в промысловом посёлке привыкли называть его не по имени, а по кличке. А кличку Вихрастый он получил, вероятно, за свои непокорные вихры. Рассыпанные в беспорядке, они смешно торпачились колом на голове, падали на лицо, закрывая его голубые глаза, которые сейчас, сузившись, приобрели серый, стальной оттенок. Может быть, от «весёлого» общего настроения, что охватило нас в дожде на непогоду.

Месяц тому назад Вихрастый вернулся из армии. Уже две недели прошло, как он

приступил к работе обходчика на самом отдалённом участке – «Весёлом».

Сергей всё ещё продолжал, сощурившись, смотреть в небо, тихо ругался на то, что не повезло с погодой. От этого нам обоим делалось немного легче. Потом он бросил недокуренную сигарету, втоптал её каблук сапога в землю и по-хозяйски начал осматривать будку.

– А ну-ка, подай сюда ту штуковину.

Он загрубелым пальцем со сбитым ногтем показал мне в тёмный угол под стояком. Я подал ему доску. Он уселся на неё, с наслаждением вытягивая ноги.

– На твоей половине участка всё в порядке? – задал я ему вопрос.

Он, фыркая, раздирал на лбу слипшиеся мокрые волосы.

– Да, а у тебя?

– То же самое. Да, вот что, – обратился я к нему снова. – Мне ещё порядком тянуть

увидел взъерошенную голову своего друга и его руки, совершавшие с медлительной торжественностью магический обряд над кастрюлями.

– Что же ты стоишь? Закрывай двери!

– Пусть проветрится, тут задохнуться можно, – буркнул я.

С облегчением снял с себя успевшую промокнуть брезентовку, повесил её на гвоздь. С тем же чувством сел на нары, стянул с себя портянки и остался в одних носках. В это время, как из бочки, гудел голос Сергея:

– Еду варить – это не из рогатки стрелять. Вот, например, стоит мне варить харчи с немывыми руками, так, представь, вкус не тот. Понимаешь?

Его лицо словно соткано из множества смешинок, готовых в любую минуту рассыпаться заражающим весёлым смехом. Мы смеёмся долго, со вкусом. Особенно

скребок, поэтому меня не жди, а начинай готовить.

– Ладно...

Сергей встал, поправил сбившуюся кепку, взял из моих рук сумку с продуктами.

– Ну, я пошёл, – сказал он и поднял руку в знак того, что действительно сейчас шагнёт из-под крыши. Его губы растянулись в озорную улыбку.

– Что – дождь? – спросил я его.

– Да, вроде бы дождь.

– Ну так что же ты?!

Видно, ему не хочется уходить. И в нём просится наружу желание подучиться, расслабиться перед тем, как он снова окажется в промёрзлой сырости осеннего дня. Подставляя ладони под льющиеся с крыши струйки воды, Сергей наблюдал, как они разбивались в мельчайшие капли, затекали ему в рукава. И у него на лице продолжала блуждать всё та же озорная улыбка. Со словами: «Эх, так и быть, пропадать!» – он с той же неожиданностью, с какой появился здесь десять минут назад, исчез за дождевым туманом. Только несколько втопанных в грязь сигарет говорили о том, что я недавно разговаривал с ним.

...В будке, что мы называем теремком, изредка позвякивала посуда. Через невидимую для меня щель от неплотно прикрытой двери вился ровным столбиком парок, доносились растягиваемые на одной ноте слова известной в своё время песни – «От зари до зари, от темна до темна...». Потом всё сливалось в неразборчивый поток звуков. «Поёт Серёга», – с теплотой отметил я про себя. Когда потянул дверь, в лицо пахнуло острым запахом жареного лука, отчего сразу засосало под ложечкой. Я

побежало по горам вдогонку за уходящим дождём.

Это не мы, а наша юность стояла над обрывом, кричала и вновь всё старалась уловить ускользающее эхо. Только что проглянувшее солнце тихо улыбалось и смотрело на нас с высоты, точно мать на своих расшалившихся детей.

С каждым шагом наш «теремок» тонул в лесной глубине, расплывался в постепенно сгущавшихся сумерках. Сергей шёл впереди меня.

– Берегись! – покрикнул он мне, когда оставленные за его спиной ветви орешника упруго рассекали воздух.

– Выйдем на тропу, – говорил он, – просторнее будет.

Тропа еле различимой змейкой вилась по склону балки, спускалась к шаткому мостику, переброшенному через ручей, и круто взбиралась вверх. Под ногами зыбко заходили доски. Бешеные потоки воды подныривали под мостик и с рёвом уносились, перепрыгивая с камня на камень. Пахло до боли знакомыми с детства запахами прелой листвы и гниющего дерева. В стиснутой горной расщелине клубилась темнота наступающей ночи.

Каждый раз мы совершали повторный обход по фонтанному участку. Перед нами одна за другой вырастали и оставались позади ажурные конструкции вышек. Словно чья-то щедрая рука разбросала по горам пирамидки. А вокруг них появились голые пятнышки безлесья.

Тропа вывела нас к полянке. Над ней высилась вышка глубинно-насосной скважины. Балансир станка-качалки приветливо кивал нам головой, как старым знакомым. Сергей, опередивший меня, разговаривал с ним, как с живым человеком:

– Что это ты, друг, так расклеился? А ведь утром складывал мне, что здоров и не кашляешь... Ничего, ничего. Мы у тебя наведём армейский порядок.

Я взглянул на мостики. На них видны были подтёки нефти. Причина была ясна. Мы набили новые сальники, надёжно их подтянули. Остатки нефти засыпали сухим песком и смели их с досок. Работа была закончена. Я оглянулся по сторонам. Короткий октябрьский день подходил к концу. Надо было возвращаться в культбудку – место сбора всех операторов. Путь к ней лежал через балку, глубокую, неприветливо смотревшую на нас снизу чёрными провалами между верхушками белолиственниц. Они выделялись светлыми пятнами, освещённые последними лучами заходящего солнца. Мне пришла в голову мысль...

– Послушай, – обратился я к Сергею, – видишь, темнеет. Давай сделаем факелы. Благо есть из чего: амбар с нефтью в двух шагах от нас. После чего пройдем с ними по балке, вообразив, что здесь никогда не ступала нога человека. Идёт?

– И будем с тобой, как наши древние предки?

– Хуже, – сказал я ему, – потому что мы с тобой безбородые, ненатуральные значит.

– Ну и что?! – возразил Сергей. – Это дело наживное. А сейчас, – и он зорал: – Хей! Хей!

Сергей дурашливо боднул меня головой. Я ответил ему тем же.

...Факел, который предварительно окунули в нефть, охватило пламя. Сергей победоносно поднял его к небу, на котором уже зажглись первые звёзды. А закат ещё догорал. Он отбрасывал на землю свои багровые отблески. И казалось мне, что не он, а свет нашего факела разбрызгивал над предгорьями то неуловимо прекрасное, что называется мгновением. Словно чёрно-багряное пламя польхало и рвалось из рук, пыло, рассыпаясь над всем миром искорками давно исчезнувшей жизни. Сейчас эта жизнь заявляла, что она – само бессмертие, буйствовала в огненной пляске свободы, тянулась ввысь, протягивая солнцу когда-то забранную от него энергию. А перед моими глазами вставала целая вереница людей, живущих в родном городе и в окружающих его посёлках, отдающих все свои силы, чтобы добыть нефть из земных недр.

Кровь земли, пламя земли – оно до сих пор горит в моей памяти факелом, как символ ушедшей юности. И будет ещё долго гореть и служить людям, которые придут после меня.

– Эге-ге-ге-гей! – разнеслось по лесу и

ПОЭЗИЯ

Елена Шульгина
Литобъединение «Парус»,
г.Ейск.

Дом

(венки сонетов)

1.

Хранят в камине угли зыбкий пыл,
Не рассыпаясь, не теряя цвета.
И в полумраке воздух не остыл,
Хотя мороз ярился пред рассветом,

И ветер за окном всё выл и выл,
И белый снег укутывал планету...
Январь на дом накладывает вето,
Ревнуя к тем, кого и след простыл...

Ушли. Наверно, было нужно им.
Февраль же, ярой злобою гоним,
Бормочет в окна: «Сгнули бесславно»...

Но в комнате не доверяют злу,
И угли превращаются в золу.
Тепло хоть неустойчиво, но явно.

2.

Тепло, хоть неустойчиво, но явно
Здесь ликовало. Мучимый хандрой,
Камин один подсматривал исправно
За откровеньем сказочным порой:

Наяды нежность, похотливость фавна
Мешались, увлечённые игрой...
Двух тел один таинственный настрой –
Всё в страсти было искренно и равно.

Всё в комнате, смущённо забываясь,
Проваливалось в мир иной, меняясь,
Чтоб не смотреть. И мир иной кружил,

Таинственно преображаясь в сути.
Материю волшебной баламуты,
Вещей касаясь, дух любовный плыл.

3.

Вещей касаясь, дух любовный плыл.
Огонь вздыхал, завидуя безмерно,
И, разгораясь от избытка сил,
Казнил дрова, как инквизитор скверну, -

Камин тогда отчаянно грешил...
Лишь свечи, бесконечно суеверны,
Наивно гасли, до смешного нервны,
И полумрак над ними ворожил.

Любовь всегда приносит чудеса,
Так превращённая в вино лоза
Становится порой самоуправна,

И властвует над духом. Только здесь
Дух был сильней. Бродила эта смесь
По комнате совсем ещё недавно.

4.

По комнате совсем ещё недавно
Носились, ворковали голоса,
И жизнь людей казалась богоравной,
Напоминала чем-то образа...

И счастье их здесь было самым главным,
Пока однажды не сползла слеза,
Туманя болью ясные глаза
Той, чья рука была легка и плавна.

А он ушел, сказав: «Я очень скоро!».
Ворвался снег и лёг вдоль коридора -
Январь округу выюгой бороздил...

Камин же, согреть не прекращая,
Держал её, не гаснуть обещая, -
Заброшенный покой домам постыл.

5.

Заброшенный покой домам постыл,
Им так нужны пусть слабые, но руки,
Чтоб кто-то неподвижность ворошил
И гнал приметы беспощадной скуки.

И тот, кто дом построил и прошил
Своей любовью и своею мукой,
Не принимал и крошечной разлуки,
Для женщины, казалась, вечно жил.

Но он вернётся, так как обещал,
Ведь дом – его, и это он смущал
Бездействие, менял самодержавно

Всё то, что им оставлено теперь...
Дом женщине шептал ночами: «Верь», -
Материя бывает своенравна.

6.

Материя бывает своенравна –
Дом, возмущаясь тем, что «вот – ушёл!»
И словно канул в зиму безвозвратно,
Цеплялся за любовь, неискущён

В уходах, возвращениях обратно.
Он женщине уют дарил, смешон,
В служенье этом словно воскресён,
И даже боль её была отрадн.

Привязанность иных порой страшит,
Кто воли дать любимым не спешит,
Тот поступает, в общем-то, злонравно,

И, если он чужим не хочет быть,
Весь мир собой стремится заменить,
Не подчиняясь истине тщеславно.

7.

Не подчиняясь истине тщеславно,
Здесь даже сумрак не осознаёт,
Что боль существованьем полноправна,
Но так порой не хочется её!

Так постепенно и совсем неявно,
Душа и быт пронзают забытьё.
Так в дом преображается жильё, -
Болезненно порой, порой забавно:

Подпитывая стены, двери, окна,
От хохота звеня, слезой намкнув,
Окреп и ожил до тончайших жил...

И долго-долго, в грустном ожиданье,
Надеясь всею сутью на свиданье,
Дом помнит тех, кто здесь живущим был.

8.

Дом помнит тех, кто здесь живущим был,
Шутил, кричал, ковры шагами мерил,
Печалился, заботился, любил,
И на ночь прикрывал входные двери,

И ласково кого-то теребил
Дразня и в одиночество не веря,
Был счастлив и не знал ещё потери,
С вином бокалы только к счастью бил.

Что знает дом о расстояниях длинных?
Не двигаясь, у дней в плену рутинных,
Ему с землёй сродниться повезло.

А если так, он изменить не вправе,
И будет, как жемчужина в оправе,
Покорно ждать и сохранять тепло.

9.

Покорно ждать и сохранять тепло
Здесь женщина осталась после ссоры.
Её тревоги мрачное крыло,
Металось, ненавидя все затворы,

И билось об оконное стекло.
Метель скребла безжалостно узоры
Окна. Январь заглядывал обзором
В пространство дома, холод в щель волок.

И медленно, почти невыносимо,
Унылым ожиданием томимо,
Прилежно время в ходиках текло...

До шарфика, забытой рукавички
Всё сохраняло старые привычки
Назло снегам и времени назло.

10.

Назло снегам и времени назло,
Устав тревожно ожидать любимых,
Собрав всю волю и связав узлом,
На поиски надеждою гонимы,

Уже неуправляемы бараклом,
Бесстрашны, но отчаянно ранимы,
Искать пропавших даже в злые зимы
Порой уходят, не держась теплом.

И женщина, в своей любви права,
Подбросила в живой огонь дрова,
Пообещала: «Я найду, я скоро,

Вернёмся, – ты согреешь нас, ты жди!»,
Ушла. Уют остался взаперти,
Снося тоску и скуку без укора.

11.

Снося тоску и скуку без укора,
Хранить уют, поверив голосам
И обещаньям, продолжали шторы,
Ковры, подушки, стрелки на часах,

Две пары тапок в тёмном коридоре,
В графине – захмелевшая лоза...
Камин всему дожидаться приказал,
Уверенный в отсутствии разора.

Но время шло, дрова трещать устали
И, в уголь превращаясь, остывали, -
Прошла самоуверенность глупца.

Но вера в нём поддерживает силы,
Хранит огонь, (хотя и угли хилы),
До ветхости, до праха, до конца.

12.

До ветхости, до праха, до конца
Дом, однозначно верность понимая,
Старается не потерять лица,
Не жалуюсь – материя немая.

Он долго помнит каждого жильца,
Их чувства, словно плату, принимая.

Хоть от порога есть тропа прямая,
Безмолвно осуждает беглеца...

Какая мука – благодарно слиться,
Быть нужным, каждой маленькой крупницей
Боготворить любимого творца,

И оказаться за закрытой дверью...
Оправдывая прошлое доверье,
Дом обречён людские ждать сердца.

13.

Дом обречён людские ждать сердца,
Хранить и помнить, не сдаваясь стужам,
И верить в то, что он ещё так нужен,
От крыши до скрипучего крыльца.

От верного – шажок до гордеца,
Но, даже если дом полуразрушен,
Пока он ждёт, он будет не бездушен,
Собою не напомним мертвеца...

Прислушиваясь к звукам за стеной,
Всё в комнате живёт мечтой одной –
Поймать хотя бы тень от разговора,

Но выюга злится, слышен только вой...
И угли тлеют в комнате пустой,
Одно лишь помня: «Я вернусь. Я скоро»...

14.

Одно лишь помня: «Я вернусь. Я скоро»,
Дверная ручка смотрит в пелену,
Но дверь сопротивляется напору
Ветров, и прокликает белизну.

Январь не прекращает уговоров:
«Вы брошены, открой мне, ворчуну...»,
Но дверь внимать не хочет вещуну:
«Отстань, чужак, и не болтай мне вздора!»

Но вот окно заметило две тени:
«Кто, кто там припадает на колени,
Кого январь почти что сокрушил?»

Маячат то ли люди, то ли звери...»
И, в ненапрасность ожиданья веря
Хранят в камине угли зыбкий пыл...

15.

Хранят в камине угли зыбкий пыл.
Тепло хоть неустойчиво, но явно.
Вещей касаясь, дух любовный плыл
По комнате совсем ещё недавно.

Заброшенный покой домам постыл.
Материя бывает своенравна,
Не подчиняясь истине тщеславно
Дом помнит тех, кто здесь живущим был.

Покорно ждать и сохранять тепло
Назло снегам и времени назло,
Снося тоску и скуку без укора,

До ветхости, до праха, до конца.
Дом обречён людские ждать сердца,
Одно лишь помня: «Я вернусь. Я скоро»...

Евгений ЮШИН

Москва

Из новых стихов

***

Этот мир надо мной – белым облаком,
птицей и Богом.

Этот мир подо мной – муравьишкой, пыль-
цою веков...

Я люблю, когда небо целует дождями дорогу,
Заполняя копытца недавно прошедших коров.

Я навеки полюбил эти заводи, эту осоку,
Эти серые избы с певучим печным говорком.

Эти сосны шумят надо мной широко и
высоко.

Говори со мной, лес, первобытным своим
языком –

Торфяным, глухаринным, брусничным, зелё-
ным, озёрным,

Хороводным – в распевах сырых землянич-
ных полян.

Ой, туманы мои! Ой, вы, жадные вороны
в чёрном!

Скоморошьи дороги и ратная кровь по
полям.

Я прикрою глаза и услышу кандалные
звоны,

Безысходный, по-бабьи, горячечный плач
у берёз.

Как скрипучи дороги! Как мертвенно бледны
иконы!

Как селенья ужались, и как растянулся
погост!

Тишина на Руси, словно лодка стоит на
приколе,

А накатится вихрь, так куда её и видал.
Мужики-мужики, вам тесны и корона, и воля.

Кто считает деньгу, кто рубаху последнюю снял.
Можжевельный воздух поминками пахнет,
как порох.

На серебряных перьях овса – предрассвет-
ная трель.

Сколько вражких чубов причесалось о вилы
и обух –

Помнят травы ночные, кровавый бруснич-
ный кисель.

И вознесит звонарь колокольни стозвонные
соты.

Но сжигает Иуда воздвигнутый предками
храм.

И на каждой сосне – золотистая капелька
пота.

И на каждой берёзе – полоскою чёрною
шрам.

Говори со мной, лес, ведь и мне твоя тайна
знакома,

Словно аистам в небе, хранящим на пё-
рышках синь.

Высоко надо мной золотая сгорает солома
И трепещут стрекозами синие листья осин.

***

О любви сказать ещё желаю,
О своей негаснущей любви

К снегам запорошенному краю,
К сёлам, почерневшим на крови.

К этой вот истоптанной дороге,
К трепету весеннему реки.

Потому что на земле не многим
Светят изб родные огоньки.

Всхлипывает лодка у причала,
Яблоня касается руки.

Мне ночная птица прокричала,
Что дороги к детству далеки:

Через дымку сумрачных вокзалов,
Через кровь успехов и потерь,

Через холод ложных пьедесталов –
Ко всему, что дорого теперь.

Этот путь, быть может, в жизнь длинную.
Но за весь сердечный непокой,

Может быть, глаза рукой прикрою,
И увижу маму молодой.

НОЧЛЕГ

Владимиру Крупину

Дом среди леса, бревно, поляна.
И луна, словно пень торчит.

Лай собаки истощный, рваный.
Вышел дед на крыльцо, молчит.

– Приюти. –
– Заходи, покуда. –

А в руке у него ружьё.
– Опасаешься? –

– Много люда.
Реже добрые, чем гнильё. –

Покурили, попили чая.
Образа в заревом углу.

Ходит кот по избе, скучая.
Точит звонкий сверчок пилу.

Огляделся. Берёт зевота.
– Где положишь-то? –

– У икон. –
На повыцветших жёлтых фото

Над кроватью – она и он.
Улеглись. Из-под пола – сырость.

– Мне-то скоро, наверно, в гроб.
Но, скажи, что с землёй случилось?

То – пожарища, то – потоп. –
Что ответить? Молчу нескладно.

Точат ходики: тик да так.
– Не хотишь говорить, и ладно.

И твои дела не табак. –
Светит полно луна в окошко,

Даже видно: на сундуке
Дремлет щупленькая гармошка,

Позабывшая о руке.
– А сумеешь сыграть? –

– Пожалуй. –
Поднимается и берёт.

Эти звуки сквозь сердце жалят,
Словно он свою душу трёт.

Отыграл. В темноте пошарил
И опять – на сундук её.

– То – потопы, а то – пожары.
Что же делается, ё-моё! –

Наступи – тишину раздавишь.
За диваном скребётся мышь.

– Вот и ты ничего не знаешь.
Утоптался. Поди-ко, спишь? –

В белой майке сидит на лавке
В мироздание погружён.

Тени скользкие, как пивавки,
В листьях плавают у окон.

– А ведь что-то неладно в мире:
У земли развернулся крен...

Расплывается жёлтым жиром
Лунный свет от сосновых стен.

Тонконогий, как белый аист,
Он поднялся: – Пойду я спать.

Ничего-то и ты не знаешь,
Потому, что не хочешь знать. –

...Вот и думаю о погоде.
За печуркой прилёг старик.

– Что в народе, то и в природе... –
Только ходики: тик да тик.

КНИЖНЫЙ МИР

Седов Николай Николаевич
Купола облаков/ Н. Н. Седов, –
Краснодар: Книга, 2014. – 172 с.

Принадлежу к тем прозаикам, кто начинал со стихов и на долгие годы сохранил потом уже осознанную любовь к сокровенному поэтическому слову. Что там ни говори, поэзии больше присуща душевная открытость, отсутствие которой у сверх меры озабоченного житейскими проблемами нашего современника сильнее всего остального должно печалить и самого, цельного от природы, человека, и его долготерпеливого Создателя. Не исключено, что в конце концов речь идёт как раз об искренности и глубине исповедания

веры, сочетаемых с постоянным ощущением тайны, желание разгадать которую заставляет пристально и почти мучительно всматриваться и в собственное сердце, и в звёзды над головой.

Само собой, говорю о стихах Николая Седова, от сборника к сборнику всё набирающегося явной творческой мощи. Он как будто научился черпать её из окружающего мира. Из Космоса, связан с которым неразрешимо. Из прошлого Руси. Из грозного сегодняшнего дня. Может быть, имеет место некое совпадение моего с ним внутреннего лада? И книги его вовсе не случайно попадались мне на глаза? Но ведь на этом взаимопонимание в искусстве и зиждется.

Мой старый друг, крепкий адыгейский поэт Давлет Чамоков сумел меня убедить, что своей прозой я «задавил в себе стихотворца». Останься в этом качестве жив, хотел бы работать в притягательной, распахнутой, как народная душа, отринувшей модные изыски манере Николая Седова. Со школьных лет помню четверостишие Адама Мицкевича:

Нередко собственным гордятся мнением люди.

Нет, всосано оно из материнской груди

Или наставником посеяно поздней

В глубь сокровенную их молодых ушей.

Так вот, и с тем, и с другим у Седова полный порядок. «Материнское начало» сообщило ему самобытность. Наставничество достойных предшественников возвысило и ограничило. Чьих только достижений поэт благодарно не освоил и чей только свободолобивый гражданский опыт, либо мятежный порыв одиночки в себя не впитал! И от любимых авторов ещё моей молодости, великих американцев Эдгара По с Уолтом Уитменом. И от наших русских коренников – Александра Сергеевича Пушкина, Михаила Юрьевича Лермонтова, Николая Алексеевича Некрасова. Никуда в этом смысле не деться и от советской классики: Александра Блока, Николая Гумилёва, Леонида Мартынова.

Не вижу плохого в том, что поэзия Николая Седова вызывает из памяти великие тени. Наоборот. По моему глубоко убеждению, национальный дух – дело артельное. Даже если некогда он воспарил в другом краю над опытом сугубого индивидуалиста. Когда-нибудь мы станем признательны тем, кто ясно осознал, что такое ответственная, созидательная преемственность.

Не стану называть имён глубоко уважаемых мной кубанских Мастеров и Подмастерьев. Ещё недавно рядом с нами живших или здравствующих и ныне. Скажу только, что сохранивший редкое по нынешним временам чистосердечие поэт Николай Седов – давно и на равных среди них.

Эти мои слова о творчестве земляка прошу заодно считать рекомендацией в члены Союза писателей России. Полсотни лет назад, когда о членстве я и не помышлял, по собственной инициативе рекомендацию мне прислал из Краснодара в Новокузнецк прочитавший мои первые книги Владимир Алексеевич Монастырёв. Буду рад хоть слегка отдариться, порадовать Малой родине таким образом.

Гарий Немченко,
Москва.

Николай Седов

Купола облаков

Купола облаков обнимают безбрежные выси –
Столько храмов небесных не видел за всю
свою жизнь!

Или, просто устав
от суглинка безрадостных мыслей,
Разучился глаза поднимать, где зарница дрожит.
Не для нас ли земля

простелила полотна степные,
Взбила пух облаков,
как перины в резных теремах?

В души Небо впустите!
Погостов холмы насыпные
Никогда не откроют небесных просторов размах.
Нет, не буду гадать,

где теплее – на небе? Под небом?
Лучше лягу в траву
и прищурюсь на солнечный лик.

Рядом облако сядет
и скажет: «Давненько ж ты не был...»,
Как родного обнимет, навеки даря этот миг.

***

Расплясалось солнце над Мезмаем,
Марево залив по грудь поля,
Облака, усталости не зная,
Вслед за ним пустились в перепляс.

И не гаснут в горных реках искры,
Что летят под цокот каблуков,
И взрывают кровь потоком быстрым
Озорные ритмы казаков.

Только и они не разбудили
Бор пихтовый в дреме двух веков –
Помнят пихты, как в Мезмай вступили
Первые обозы степняков.

Пусть летит, как конь крылатый, время,
Души воспаряя высоко.
никогда не потеряют стремя
Песни с переплясом облаков.

Мольба

Как дни летят...
Вновь тихая рябина
Зажглась тоской,
И я грущу под ней.
Не дай, Господь,
Прожить мне нелюбимым
Остаток невозможно долгих дней.

***

Пахучий завиток сосновой стружки –
На запах откликается душа.
Широкой кости дедушкины руки
Размеренно рубаночком шуршат.

Как Саваоф с прищуром мир наш строил,
Он что-то мастерит, прищурив глаз,
А рядом внуки, враз притихшим строем,
Усваивают дедов мастер-класс.

Таким и помнится – смиренным и простым он
С предобрым светом строгого лица.
Где ты сейчас, родной Иван Мартыныч?
Наверно, в стройбригаде у Творца.

Деду Ивану

ЖАР- ПТИЦА

Я не держу тебя – вот дверь.
Коль говоришь, что дом – темница,
Коль в чувство вкрался холод-зверь,
Лети, лети, моя Жар-птица.

Не стану вслед тебе стрелять
В отместку бранными словами.
Не стану душу оголять
Пред тем, что было между нами.

Татьяне Т.

Ничего мне не надо от Вас!
И пусть в памяти будут пробелы.

***

Дорогой Эрнст Флоренс Фридрих Хладни*,
Разъясни мне тайну жизни эха.
Не того, что прячется в прохладе
Грофов, горных падей и под стрехой,

Не того, что сбрасывает сели,
Погребая целые аулы,
И чертей гоняет по ущельям –
Красноглазых, рыжих, узкоскулых.

А того, что памятью взывает,
От души к душе перелетая,
И из века в век не утихает,
Косы у Вселенной заплетая.

***

Вольно птица летит...
Кто узнает – куда?
Для неё белый свет необъятен.
На пути привечают её города,
И леса раскрывают объятия.
И в деревне она дорогая родня –
Здесь обычаев не забывают:
В Благовещенье, души крестом осеня,
Из неволи всех птах выпускают.
Эх, открыть бы секрет, как себя отпустить,
Чтоб – раздолье и счастье на взлёте!
Видно, душам дано сладость воли вкусить
Лишь в прощальном на Небо полёте.

***

Вот небо, а на небе облака.
Вот речка, не спешащая пока.
Вот я, прильнувший крыльями к земле,
Жую ещё горячий мамин хлеб.

Вот боль моя с метаньями во сне.
Вот боль моя с висками в седине.
Вот мой очаг, что даровал покой...
А облака остались за рекой.

Ловец

Туман жевал беззубым ртом осоку.
Стрижи плясали в облаках высоких,
Текла по руслу времени река.
На берегу, безмерно одинокий,
Сидел старик в кустах седого дрожа
С растрескавшейся удочкой в руках.

Садилось солнце в небе и вставало.
Не уходил он, хоть и не клевало, –
Как будто здесь с рождения и жил.
Дни напролёт под плеск воды дремал,
А по ночам, отбросив лет усталость,
Литые звёзды, как ершей, ловил.

Улов в садке недолго заживался,
Дед звёзды выпускал и улыбался.
Когда они взлетали в вышину
И в синеве волшеббно зажигались –
В зрачках помолодевших отражались
Ловца бессмертных лет, часов, минут...

* Эрнст Флоренс Фридрих Хладни немецкий физик, объяснивший природу эха.

ДЕБЮТ

Геннадий Севрюков

Литобъединение «Парус», Анапа

ЩЕНОК

Завилял хвостом
И за мной вослед.
Во дворе пустом –
Эдакий скелет.

Тощий и больной
Помощи просил
За моей спиной,
Лучше б укусил...

ОСЕННИЕ СВАДЬБЫ

Ахнув, замерла дорога...
Мчатся пары под венец.

И услышан будет Богом
Обручальных звон колец.

Словно облачко невеста!
А жених, жених какой!..
И от «горько» им нет места,
И шампанское рекой.

Что за свадьба без размаха!
От гармошек валит дым.
А под ноги осень-сваха
Злато сыплет молодым.

***

Ничего мне не надо от Вас!
И пусть в памяти будут пробелы.

Не хочу измерять всякий раз,
Отношений накал в децибелах.

Попрошу лишь, прозрев у лампад,
Через годы меня не зовите...
Я ушел в золотой листопад –
Зачеркнув букву «Т» в алфавите.

ЖАР- ПТИЦА

Я не держу тебя – вот дверь.
Коль говоришь, что дом – темница,
Коль в чувство вкрался холод-зверь,
Лети, лети, моя Жар-птица.

Не стану вслед тебе стрелять
В отместку бранными словами.
Не стану душу оголять
Пред тем, что было между нами.

Одно позволю лишь себе:
Когда за горы сядет солнце,
Я прослежу – в какой избе
Ты озаришь собой оконце.

ГРЕШНИК

Сидел на острове старик.
Не замечая день погожий.
Дороги нет на материк.
Пуст горизонт.
Лишь чайки крик
На крик души похожий.

«К чему ты небо здесь коптишь?
Окончи жизни эпопею!» –
Ему подумалось... «Нет, шии!»..
Дед колыхнул проклятьем тишь:
«Судьба!.. Я в ад ещё успею...»

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:

П/И № ФС-14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России;

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

Издатель: ИП «Кириллица»

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Прокопенко
Корректор: Ю. Полушина

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350061

г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах
<http://sites.google.com/site/sprosia>
и <http://sprosia.narod.ru>

и Краснодарской краевой универсальной
научной библиотеки им. А. С. Пушкина
www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флер-1»

г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2
8(861) 274-10-74
Заказ № 4021

Подписано в печать
14.08.2014 г.
по графику в 10.00,
фактически в 10.00.

Тираж: 999 экземпляров
Цена свободная